

Два элемента в механизме правосудия переходного периода: международные уголовные суды и комиссии по установлению истины

Эстер Кирш*

В статье представлен краткий обзор сходств и различий сферы компетенции международных уголовных судов и трибуналов, а также функционирующих на национальном уровне Комиссий по установлению истины. По мнению автора, данные институты служат разным, но в равной степени значимым целям правосудия переходного периода. Статья содержит анализ правовых основ сферы потенциального сотрудничества между этими двумя институтами. Особое внимание в этой связи уделено механизму Международного уголовного суда.

→ *Правосудие переходного периода, Международный уголовный суд, комиссии по установлению истины, международное уголовное правосудие*

Сфера компетенции международных уголовных судов и трибуналов, а также юрисдикция Комиссий по установлению истины предопределяется их различными целями. Настоящая статья посвящена вопросу о том, может ли обмен информацией между комиссиями по установлению истины и международными органами уголовного правосудия обеспечить эффективное достижение, с одной стороны, карательной цели, а с другой, — восстановительной. Существовавшие в прошлом практики обмена информацией между Комиссиями по установлению истины и органами международного уголовного правосудия показывают, что это сотрудничество возможно только в ограниченных рамках. Для того чтобы определить, следует ли считать Комиссии по уста-

новлению истины, международные уголовные суды и трибуналы институтами, существующими отдельно друг от друга и преследующими противоположные интересы, либо взаимно дополняющих друг друга, в основу данного исследования было положено сравнение их функций и сфер компетенции. В этой связи взаимодополняющие отношения понимаются в том смысле, что международные уголовные суды и национальные Комиссии по установлению истины являются отдельными институтами, функционирующими с различными, но не противоречащими друг другу целями. Скорее, оба института являются важными элементами в сложном механизме правосудия переходного периода, и в идеале они взаимодополняют и поддерживают друг друга.

* *Kirs Eszter* — доцент, заведующая кафедрой международного права юридического факультета Университета г. Мишкольца (Венгрия) (e-mail: kirs.eszter@gmail.com). Настоящая статья была подготовлена в период проведения исследования под эгидой Венгерского научно-исследовательского фонда (Országos Tudományos Kutatási Alapprogramok) (PD 105832). Более детальная версия анализа и выводы, обобщённые в данной статье, могут быть найдены в книге автора «Переход к демократии в тени военных преступлений» (*Kirs E. Demokratikus átmenet a háborús bűntettek árnyékában*. Bibo Kiadó, 2012). Указанная монография награждена Премией им. Херцера Гиза. Перевод с англ.яз. выполнен Е. Бурмицкой.

При анализе данной проблемы в настоящей статье особое внимание уделяется институту Международного уголовного суда (*далее* — МУС, Суд).

Различие сфер компетенции международных уголовных судов и комиссий по установлению истины

Важнейшей функцией международных (как чисто международных, так и гибридных, то есть смешанных) органов уголовного правосудия является продвижение идеи о том, что безнаказанность лиц, совершивших международные преступления, недопустима. Альтернативные механизмы правосудия, такие, как Комиссии по установлению истины, не решают проблему ответственности посредством наказания виновных. Однако аргумент, согласно которому функционирование Комиссий по установлению истины не соответствует самой идее уголовного правосудия, на наш взгляд, является неприемлемым. В идеальной ситуации деятельность Комиссий по установлению истины не способствует безнаказанности¹. По общему правилу эти органы расследуют обстоятельства прошлых событий, при этом, не только изучая отдельно взятые факты, но воссоздавая общую картину нарушений, совершённых в определённый период времени. Комиссии по установлению истины наделены полномочиями, которые позволяют им получать более широкий доступ к информации, и ограждают их от вмешательства при расследовании тяжёлых ситуаций. Наконец, срок их полномочий ограничен определённым периодом времени, который заканчивается вместе с предоставлением итогового доклада, который обычно публикуется². Поскольку безнаказанность негативно сказывается на урегулировании конфликтов в долгосрочной перспективе, Комиссии по уста-

новлению истины следует рассматривать как институт, функции которого соответствуют целям уголовного правосудия, хотя и отличаются от судебных. Два анализируемых типа институтов представляют различные стороны одной медали правосудия переходного периода.

В то время как главными целями деятельности международных уголовных судов является возмещение вреда и предотвращение новых преступлений в делах против лиц, стоящих за международными преступлениями, Комиссии по установлению истины уполномочены воссоздавать общую картину прошедших событий и достоверно документировать исторические события. Деятельность таких Комиссий не может заменить собой процедуры привлечения к уголовной ответственности, по причине ограниченных и специфических полномочий таких органов в отношении установления истины. Вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, несущих основной груз ответственности за международные преступления, не должны относиться к сфере компетенции Комиссий по установлению истины. Если политические обстоятельства позволяют, идеальным решением могло бы стать взаимное дополнение и параллельное функционирование этих институтов. Политическая природа переходного периода фундаментальным образом предопределяет временную составляющую деятельности данных институтов. В таких странах, как Сьерра-Леоне или Восточный Тимор, органы уголовного правосудия, занимающиеся вопросами уголовной ответственности высокопоставленных преступников, функционировали одновременно с Комиссиями. В других же случаях, таких как, например, в Чили и Аргентине, сохранение власти военных привело к откладыванию судебных разбирательств на сроки свыше 20 лет³. Бывшее политическое и военное руководство, создававшее препятствия

¹ С другой стороны, в некоторых случаях эти или подобные им институты потворствуют безнаказанности, как это произошло в рамках работы Комиссии по установлению истины и добрососедских отношений между Индонезией и Восточным Тимором. См.: *Hirst M. Too Much Friendship, Too Little Truth. Monitoring Report on the Commission of Truth and Friendship in Indonesia and Timor-Leste.* New York: International Center for Transitional Justice, 2008.

² *Hayner P. B. Past Truths, Present Dangers: The Role of Official Truth Seeking in Conflict Resolution and Prevention // International Conflict Resolution After the Cold War.* National Academy Press, 2000. P. 341.

³ Латиноамериканские комиссии были первыми Комиссиями по установлению истины, хотя сфера их компетенции была уже, чем у их преемников (таких, как Южноафриканская Комиссия по установлению истины и примирению, которая считается наиболее эффективной Комиссией, работавшей до настоящего времени). После Боливийской Комиссии, работа которой в 1982–1984 годах не может считаться успешной, поскольку в результате ею даже не был опубликован итоговый доклад, первой Комиссией по установлению истины, к работе которой было привлечено более широкое международное внимание, была Комиссия Сабато в Аргентине, которая опубликовала собранные ею сведения о чудовищных преступлениях, совершённых между 1976 и 1983 годами, в книге «Nunca

для проведения продуктивного переговорного процесса, может быть отстранено как от обсуждения процесса перехода, так и от присутствия на будущей политической арене посредством уголовного преследования⁴. С другой стороны, если лица, причастные к совершению тяжких преступлений, не могут быть арестованы, возможность их отстранения утрачивается, и это может осложнить процесс переговоров в силу отсутствия стремления руководства репрессивных режимов к политической консолидации⁵.

Такие последствия могут привести к возобновлению насилия, хотя причины возобновления конфликта бывают настолько сложны,

что не могут быть объяснены лишь фактором уголовных преследований. Кроме того, вполне вероятно, что степень негативного влияния судебных разбирательств по таким делам на стабильность преувеличена⁶. Напротив, правосудие является важным компонентом предотвращения будущих преступлений, а, следовательно, необходимым элементом будущей стабильности и уважения к закону в долгосрочной перспективе⁷.

Что касается влияния международных уголовных судов на процесс примирения⁸, ряд авторов считает, что пример Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии является весьма разочаровывающим.

mas» («Больше никогда»); См.: *Hayner P.B. Fifteen Truth Commissions – 1974 to 1994: A Comparative Study // Human Rights Quarterly. 1994. Vol. 16. P.597, 614–629; Simpson G. Transitional Justice and Peace Negotiations. ICTJ. Discussion Paper, 2008. P.3.*

⁴ В этом отношении Специальный суд по Сьерра-Леоне и Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (далее – МТБЮ) могут представлять интересные примеры. Феномен «отстранения» можно наблюдать в случае бывшего президента Либерии Чарльза Тейлора, чей авторитет и репутация были серьезнейшим образом подорваны в результате обвинения, выдвинутого против него Специальным судом по Сьерра-Леоне. Это было одной из основных причин его ухода в отставку с должности президента страны и обращения с просьбой о предоставлении ему убежища в Нигерии, где, в конечном итоге, он был арестован в 2006 году. См.: *Tejan-Cole A. A Big Man in a Small Cell: Charles Taylor and the Special Court for Sierra Leone // Prosecuting Heads of State / Ed. by Lutz E.L. and Reiger C. Cambridge University Press, 2009. P.205–232.* О феномене «отстранения» в контексте деятельности МУС см.: *Méndez J.E. Preventing, Implementing and Enforcing International Humanitarian Law // Proceedings of the First International Humanitarian Law Dialogues – Studies in Transnational Legal Policy No. 39. ASIL, 2007. P.94.* Эффект «отстранения» также является важным в случае продолжающегося вооружённого конфликта. Например, в деле трёх политических лидеров и главы полиции, признанных ответственными за этническую чистку, произошедшую в регионе Приедор (Босния и Герцеговина) и осуждённых МТБЮ, сам международный уголовный процесс и меры, предпринятые в его рамках, дали возможность тысячам беженцев вернуться в свои дома. В ходе мероприятий по аресту главы полиции, Симо Дрляча, войска НАТО открыли огонь, что привело к его смерти. Хотя это и не представляет собой классического примера эффекта «отстранения» в рамках уголовного преследования, последствия, которые данные события имели для общества, не могут недооцениваться: согласно докладу Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев 27000 беженцев вернулись в Приедор после этого события. См.: *Ralston J.H. and Finnin D. Investigating International Crimes: A Review of International Law Enforcement Strategies – Expediency v. Effectiveness // The Legacy of Nuremberg: Civilising Influence or Institutionalised Vengeance? Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2008. P.54.* Более того, политические и общественные деятели, работающие по вопросам перехода к демократии, могут принять более активное участие в решении вопроса о том, кому надлежит принять участие в переговорном процессе. См.: *Seils P. and Wierda M. The International Criminal Court and Conflict Mediation. New York: International Center for Transitional Justice, 2005. P.19. URL: www.ictj.org/en/news/pubs/index.html* (дата обращения: 28.02.2013).

⁵ *Villa-Vicencio Ch. Why Perpetrators Should Not Always Be Prosecuted: Where the International Criminal Court and Truth Commission Meet // Emory Law Journal. 2000. Vol. 49. P.210.* Не всегда перспектива будущего уголовного преследования способна удержать силы, находящиеся у власти и движимые политическими факторами, от совершения насильственных преступлений.

Опыт, накопленный в ходе работы других международных уголовных трибуналов, привлёк наше внимание к тому факту, что слишком оптимистические ожидания в этой связи нереалистичны. В то же время делать какие-либо далеко идущие выводы в этом отношении также не следует, поскольку в настоящий момент достаточно тщательные и достоверные исследования, объектом которых являлся бы эффект «отстранения» в контексте работы международных органов уголовного правосудия, отсутствуют. См.: *Stahn C. The Future of International Criminal Justice // Hague Justice Journal. 2009. Vol. 4/3. P.263–264; Hazan P. Measuring the Impact of Punishment and Forgiveness: a Framework for Evaluating Transitional Justice // International Review of the Red Cross. 2006. Vol. 88/861. P.35; Ambos K. On the Rationale of Punishment at the Domestic and International Level // *Le Droit Pénal à l'Épreuve de l'Internationalisation. Paris, Genève, Bruxelles: L.G.D.J.-Georg Éditeur-Bruylant, 2002. P.318.**

⁶ *Kemp S. The Inter-Relationship Between the Guatemalan Commission for Historical Clarification and the Search for Justice in National Courts // Criminal Law Forum. 2004. Vol. 15. P.71.*

⁷ *Méndez J.E. Op. cit. P.97.*

⁸ Этот вопрос в большей степени зависит от того, насколько большим авторитетом пользуется определённый международный орган уголовного правосудия в соответствующей стране. С этой точки зрения учреждение Международного уголовного трибунала по Руанде представляет собой интересный пример. Представители Руанды, участвовавшие в процессе переговоров относительно создания трибунала, выразили мнение о том, что в действительности мотивом для его создания было не желание оказать помощь руандийскому обществу, а попытка заглянуть вину за бездействие в то время, как геноцид, начавшийся в 1994 году, продолжался, а также создать ещё один прецедент, помимо МТБЮ, для того, чтобы укрепить фундамент для последующего учреждения МУС. Хотя подобные комментарии и являются спорными, поскольку Руанда сама инициировала создание трибунала, вне всякого сомнения, иные факторы, такие, как географическая или культурная дистанция, разделяющая местное население и международный орган уголовного правосудия, не способствуют росту его признания и авторитета, а, следовательно, его роли в процессе примирения. См.:

Бывший президент Суда Антонио Кассезе подчёркивал, что признаки продолжения конфликта и проявления ненависти, существовавшей между представителями различных этнических групп, наблюдались на протяжении судебных слушаний, и это, несомненно, поднимало вопрос о том, содействуют ли данные судебные разбирательства примирению в обществе, поражённом конфликтом⁹. В то же время положительным фактором международных уголовных процессов является индивидуализация вины¹⁰. Более того, результат деятельности таких судов — официальное и достоверное признание злодеяний прошлого. Тем не менее, примирение не является одной из приоритетных целей органов уголовного правосудия. Эта цель должна достигаться при помощи других механизмов и мер.

Уголовные санкции, в целом, существуют не для того, чтобы воздействовать на сообщество, представителями которых являются жертвы преступлений или преступники. В то же время потерпевшие имеют право не только на наказание преступника за совершённое в отношении них преступление, но также на установление истины и возмещение причинённого им вреда¹¹. МУС стал инициатором нововведений в этой области. Римский статут, а также Правила процедуры и доказывания МУС обеспечивают потерпевшим возможность широкого участия в судебном разбирательстве. Эта инициатива была реализована путем создания Подразделения для оказания

помощи свидетелям и потерпевшим. Как бы то ни было, право на участие гарантируется только для тех, кто может выступить в качестве свидетеля в МУС, и потерпевшим предоставляются далеко не те же права, что сторонам разбирательства. Например, как показывает практика Суда, потерпевшие могли ознакомиться только с теми из материалов, перечисленных в списке доказательств обвинения, которые находились в публичном доступе¹². Эти ограничения вытекают из фундаментальных свойств судебного разбирательства по уголовным делам, и не могут быть преодолены.

В то же время, потерпевшие, выступающие на заседаниях МУС, также могут получить доступ к реабилитационным мероприятиям, включая методики посттравматической реабилитации, а также мероприятия, направленные на защиту свидетелей. Более того, учреждение для защиты жертв международных преступлений и их семей трастового фонда фактически наделяет МУС своеобразными полномочиями по возмещению вреда¹³.

Однако нам не следует ждать того, что МУС разработает «щедрый» подход к вопросам возмещения вреда и примирения¹⁴. Включение в сферу компетенции МУС целей по примирению сторон конфликта просто не является необходимым. С другой стороны, эти цели не могут недооцениваться и должны выполняться другими институтами правосудия переходного периода, такими, как Комиссии по установлению истины¹⁵.

Popoff E. Inconsistency and Impunity in International Human Rights Law: Can the International Criminal Court Solve the Problems Raised by the Rwanda and Augusto Pinochet Cases // George Washington International Law Review. 2001. Vol. 33. P. 378–379.

Географическая, правовая и культурная дистанция является значимым фактором и в контексте деятельности МУС. Современные недостаточно чётко сформулированные теории «правовой деколонизации» выстраиваются вокруг этого фактора. О таких теориях см.: Mamdani M. Saviors and Survivors: Darfur, Politics and the War on Terror. New York: Pantheon Books, 2009. P. 282–288; Clarke K.M. Fictions of Justice — The International Criminal Court and the Challenge of Legal Pluralism in Sub-Saharan Africa. Cambridge University Press, 2009. P. 119–148.

⁹ Cassese A. Clemency versus Retribution in Post-Conflict Situations // Columbia Journal of Transnational Law. 2007. P. 8.

¹⁰ Goldstone R. Justice as a Tool for Peace-Making: Truth Commissions and International Criminal Tribunals. New York University Journal of International Law and Politics (1995–1996). Vol. 28. P. 489.

¹¹ См.: Inter-American Court of Human Rights (*daee* — IACiHR). *Barrios Altos v. Perú*. Judgment of 14 March 2001. Series C. No. 75. § 48; IACiHR. *Velasquez Rodriguez v. Honduras*. Judgment of 29 July 1988. Series C. No. 4. § 166; IACiHR. *Almonacid Arellano et al. v. Chile*. Judgment of 26 September 2006. Series C. No. 154. § 110.

¹² Swoboda S. The ICC Disclosure Regime — A Defence Perspective // Criminal Law Forum. 2008. Vol. 19. P. 460.

¹³ Lindenmann J. Transitional Justice and the International Criminal Court: Some Reflections on the Role of the ICC in Conflict Transformation // Promoting Justice, Human Rights and Conflict Resolution Through International Law. Martinus Nijhoff Publishers, 2007. P. 328.

¹⁴ В этой связи тревожным примером является практика создания Чрезвычайных палат в судах Камбоджи, где жертвам преступлений предоставлялась возможность участвовать в разбирательстве дела в качестве индивидуальных участников. Резкий рост количества потерпевших, зарегистрировавшихся для такого участия, который привел бы, в конечном итоге, к парализации работы палат, привёл к внесению изменений в процессуальные правила. В соответствии с изменёнными нормами, потерпевшие получили право участвовать в разбирательстве только в составе группы лиц, законные интересы которых представляет одно доверенное лицо. См.: Internal Rules of the Extraordinary Chambers in the Courts of Cambodia (Rev. 5, 9 February 2010). Rule 12.

¹⁵ Independent Study on Best Practices, Including Recommendations to Assist States in Strengthening their Domestic Capacity to Combat All Aspects of Impunity, by Diane Orentlicher. 60th Session of the Commission on Human Rights. 27 February 2004. E/CN.4/2004/88. P. 7–8.

В то же время, международные уголовные разбирательства позволяют добиться официального признания фактов массовых преступлений и нарушений прав человека. Публичность процессов также служит этой цели, которая достигается посредством проведения объективных расследований как на национальном, так и на международном уровне. Но общая картина прошедших событий может быть воссоздана с помощью различных инструментов и мер.

Под влиянием различных стратегических правовых интересов уголовное разбирательство может привести к упрощению истины. Органы уголовного преследования изучают факты, имеющие отношение к рассматриваемому делу и существу обвинения, а защита старается отбирать такие элементы истинной картины событий, которые подтверждают её доводы¹⁶. Более того, международные органы уголовного правосудия не могут изучить показания такого количества свидетелей, которое позволило бы воссоздать исчерпывающую по своей полноте картину произошедшего.

Озвучиваются предложения о том, что для реализации примирительной функции было бы полезно, если бы Канцелярия Прокурора МУС публиковала итоговые доклады по модели независимых прокуроров в США, которые предоставляют такие доклады после подведения итогов своей работы¹⁷. Хотя такие предложения могут быть приняты во внимание, установление истины, очевидно, не может быть исключительной задачей Суда или любого иного международного органа уголовного правосудия. Между тем, эта задача изначально лежит в основе задач, возложенных на Комиссии по установлению истины.

Если принять во внимание вышеперечисленные аргументы, можно прийти к заключению о том, что международные уголовные суды могут играть более значимую роль в борьбе с безнаказанностью, устрашении высокопоставленных преступников, а также общественному признанию фактов совершения самых серьезных международных преступле-

ний, а Комиссии по установлению истины лучше служат целям обнаружения истины, воссоздания многогранной исторической картины и документирования исторических фактов, а также восстановления гражданского мира. Благодаря тому факту, что каждая из этих целей важна для полной реализации проекта правосудия переходного периода, институты международного уголовного правосудия и Комиссии по установлению истины должны рассматриваться как институты, в равной степени важные для достижения этой цели.

Регулирование взаимоотношений между МУС и Комиссиями по установлению истины

На основе представленного исследования назначения и сфер компетенции Комиссий по установлению истины и международных органов уголовного правосудия, а также в свете вывода о том, что оба института представляют собой важную часть «механизма правосудия переходного периода», вторая часть настоящей статьи будет посвящена конкретному вопросу о том, как именно должны строиться взаимоотношения МУС и Комиссий по установлению истины.

Хотя во время Римской конференции делегация от Соединённых Штатов предложила, чтобы в Статут МУС были включены нормы, предусматривающие возможность амнистии, подчёркивая, что при определённых обстоятельствах угроза уголовного преследования может осложнить процесс мирных переговоров, в конечном итоге такая норма не была принята. Статут не содержит положений об амнистии или возможности альтернативного рассмотрения дел Комиссиями по установлению истины, что составляло бы возможность для свободного толкования, соответствующего обстоятельствам каждой конкретной ситуации¹⁸. Тем не менее, маловероятно то, что рассмотрение дел Комиссиями или амнистия могут быть признаны приемлемой заменой процедуры рассмотрения дел Судом, что находит своё отражение также в общей пози-

¹⁶ См.: *Naqvi Y.* The Right to the Truth in International Law: Fact or Fiction? // *International Review of the Red Cross*. 2006. Vol. 88.

¹⁷ *Hayner P.B.* Unspeakable Truths-Facing the Challenge of Truth Commissions. Routledge, 2002. P.212.

¹⁸ *Scharf M.P.* The Amnesty Exception to the Jurisdiction of the International Criminal Court // *Cornell International Law Journal*. 1999. Vol. 32. P.508. Также см.: *Robinson D.* Serving the Interests of Justice: Amnesties, Truth Commissions and the International Criminal Court // *Bringing Power to Justice?: the Prospects of the International Criminal Court*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2006.

ции, которую занимает по этому вопросу Канцелярия Прокурора МУС¹⁹.

Каждая отдельная ситуация требует различного подхода, но определённые выводы могут быть сделаны на основе накопленного опыта, и, следовательно, могут быть выработаны общие руководящие принципы по вопросу о том, каким образом должно строиться взаимодействие между МУС и Комиссиями. В соответствии с положениями Основных принципов использования программ восстановительного правосудия в уголовных делах (Резолюция 2000/14 Экономического и Социального Совета ООН), в целях более эффективной реализации таких программ необходимо принятие соответствующих стандартов и рекомендаций²⁰. Проблема взаимодействия между МУС и Комиссиями по установлению истины является важнейшей с точки зрения эффективного функционирования обоих институтов. Таким образом, выработка общей позиции по делам, в которых сферы компетенции Суда и Комиссий пересекаются, представляет общий интерес²¹.

Существует несколько возможных подходов к пониманию взаимоотношений между Комиссиями по установлению истины и МУС. В соответствии с одной из крайних точек зрения, уголовное преследование представляет собой угрозу процессу мирного разрешения конфликтов, и поэтому Комиссии по установлению истины должны быть сильными и независимыми институтами. В соответствии с другой крайней точкой зрения, поскольку основной целью правосудия переходного периода должно быть возмещение причинённого вреда, Комиссии по установлению истины должны обладать полномочиями по возложению на суды обязательств по безусловному раскрытию информации.

В большинстве случаев результаты деятельности Комиссий по установлению истины не имели серьёзного влияния на ход судебных разбирательств на национальном уровне, хотя это и произошло в делах, которые будут рассмотрены ниже. Этот феномен проявился несколькими различными способами. В некоторых случаях возможность взаимодействия исключалась изначально нормами учредительных документов, на основе которых были созданы соответствующие органы. В других случаях Комиссии по установлению истины были наделены полномочиями по объявлению амнистии, однако не использовали их широко, либо издавали рекомендации относительно уголовного преследования, которые не принимались во внимание.

Эту тенденцию демонстрируют следующие примеры. Акт о создании Комиссии по установлению истины на Соломоновых Островах указывает *expressis verbis*, что в целях обеспечения независимости данного института, функционирующего в рамках системы уголовного правосудия, Комиссия не принимает никаких указаний и не подлежит контролю со стороны каких бы то ни было лиц или органов власти. Комиссия по установлению истины по своему усмотрению может разрешить любому лицу предоставить информацию на конфиденциальной основе, и она не может быть принуждена к раскрытию полученных данных²². В то же время Комиссия наделена необычайно широкими полномочиями, включающими право вызывать повесткой свидетелей для дачи показаний и направлять запросы о предоставлении информации²³.

В свою очередь Комиссия по установлению истины в Сальвадоре, несмотря на издание рекомендаций относительно необхо-

¹⁹ Программный документ об интересах правосудия (Policy Paper on the Interests of Justice. ICC Office of the Prosecutor. September 2007. ICC-ОТР-2007) содержит недвусмысленную негативную позицию по данному вопросу, и, принимая во внимание то, что в основном полномочия комиссий по установлению истины распространяются на нарушителей «нижестоящего уровня», а также тот факт, что в оптимальной ситуации комиссия не склонна укрывать лиц, совершивших преступление, от уголовной ответственности, эта проблемная ситуация, скорее всего, маловероятна в будущем. Вопрос о том, может ли высокопоставленное лицо, признанное Судом виновным в совершении международного преступления, быть заслушано Комиссией по установлению истины с целью установления определённых событий, является более интересным с точки зрения проблемы кооперации между этими двумя институтами. Эта тема освещается в данной статье далее.

²⁰ Basic Principles on the Use of Restorative Justice Programmes in Criminal Matters. ECOSOC Res. 2000/14. U.N. Doc. E/2000/INF/2/Add.2 at 35 (2000). § III (11).

²¹ Целью настоящей статьи не является рассмотрение вопроса о том, какие именно стандарты в данной сфере могли бы быть приняты на региональном уровне, однако предлагает несколько решений по содержанию таких руководящих принципов в отношении МУС.

²² The Truth and Reconciliation Act (No. 5 of 2008) of Solomon Islands. Art. 6. § 3.

²³ Ibid. Art. 8. § 1 (f).

димости проведения ряда уголовных расследований, отметила, что национальные суды могут оказаться неспособными провести эти расследования, частично по причине того, что ими руководили должностные лица, чьи противоправные действия были частью той картины нарушений, которые выявила Комиссия²⁴. Следовательно, тот факт, что всего лишь через пять дней после обнародования этих рекомендаций, 20 марта 1993 года, была объявлена всеобщая амнистия, не вызвал удивления.

Аналогичный феномен имел место и в Африке. Либерийская Комиссия по установлению истины объявила свою независимость от всех уголовных судов в том, что касается предоставления информации, и также подготовила рекомендации относительно уголовных преследований²⁵. Она указала лиц, которых, по её мнению, не следовало подвергать уголовному преследованию, поскольку они дали Комиссии подробные показания. Пример Либерии иллюстрирует общую проблему неисполнения рекомендаций Комиссий по установлению истины. Итоговый доклад Либерийской Комиссии включал в себя рекомендации по уголовному преследованию около сотни лиц²⁶. Тем не менее, 17 сентября 2009 года Президент Элен Джонсон-Сирлиф запретила принятие каких-либо действий на основании данного доклада²⁷.

Судьба информации, полученной Комиссиями по установлению истины, во многом зависит от политической воли. Во многих случаях помилование *de facto*, а также незаконное затягивание процедуры по предоставлению комиссиями по вопросам помилования, являются значительно более вероятными вариантами развития событий, нежели исполнение рекомендаций комиссий по вопросам

уголовного преследования. Примером этого явления может служить президентское помилование в ЮАР. В 2008 году Президент Мбеки издал специальное распоряжение об амнистии в отношении лиц, признанных виновными в совершении до 16 июня 1999 года преступлений, имевших, как утверждалось, политические цели; помилование касалось лиц, которые не подали соответствующего прошения в Комиссию по установлению истины и примирению. Комиссия по помилованию, состоявшая из членов политических партий, рассматривала прошения о помиловании и давала соответствующие рекомендации Президенту. Несмотря на то, что коалиция местных неправительственных организаций начала кампанию по воздействию как комиссии по помилованию, так и на различных должностных лиц с тем, чтобы решить проблемы участия потерпевших в процессе принятия решений о помиловании, а так же его прозрачности, эти требования были отклонены. Комиссия по помилованию создала список, включавший сто двадцать одного заключённого, а также иных осуждённых, которых рекомендовали для помилования²⁸.

В других случаях исполнение рекомендаций было невозможно по причине неудачной последовательности учреждения институтов либо из-за межгосударственных политических соглашений, как, например, в случае Восточного Тимора. Тогда Комиссия по установлению истины окончила подготовку своего списка потенциальных подозреваемых уже после того, как Подразделение по особым преступлениям (Special Crimes Unit) закончило свою работу, и уголовное преследование стало невозможным из-за соглашения между Восточным Тимором и Индонезией о создании Комиссии по установлению истины и прими-

²⁴ From Madness to Hope. The 12-year War in El Salvador. Report of the Commission on the Truth for El Salvador. 1993. P. 178.

²⁵ Act on the Establishment of the Truth and Reconciliation Commission of Liberia (12 May 2005). Art. VIII.

²⁶ Final Report of the Truth and Reconciliation Commission of Liberia. Vol. I. Findings and Determinations. URL: <https://www.trcoiliberia.org/reports/final> (дата обращения: 28.02.2013).

²⁷ Transitions. Transitional Justice News From Around the World. International Center for Transitional Justice, October 2009. P. 3.

²⁸ Легитимность процедуры подвергалась серьёзной критике со стороны группы местных неправительственных организаций и Международного центра правосудия переходного периода, которые выступили с соответствующими заявлениями перед Высшим судом Северного Гаутенга в Претории, поскольку она не предусматривала достаточной прозрачности и участия потерпевших. Суд постановил, что право потерпевших на участие в процессе было нарушено. Он также пришёл к выводу о том, что президенту следовало дать оценку всем сведениям, имевшим отношение к разрешению ходатайств о помиловании. Поэтому потерпевшие и/или члены их семей, а также другие заинтересованные стороны должны были быть заслушаны до освобождения заключённых. Суд издал постановление, которое ограничивало право президента на помилование посредством издания соответствующего акта без предоставления потерпевшим предварительного доступа к соответствующим ходатайствам о помиловании и иной, связанной с ними, информации, а также возможности представить президенту свои доводы относительно таких ходатайств. См.: North Gauteng High Court. Case No. 15320/09. Decision of 29 April 2009.

рению, которая объявила амнистию в отношении высокопоставленных преступников²⁹.

Рабочая группа по вопросам взаимоотношений между Комиссией по установлению истины и примирению и Специальным судом по Сьерра-Леоне (*далее* — Специальный суд)³⁰ пришла к выводу о том, что главная цель функционирования этих институтов отличается, но обе эти цели являются необходимыми для достижения долгосрочной стабильности и гражданского мира, и поэтому их взаимоотношения должны строиться на основе принципа комплементарности³¹. Одновременно с этим, примеры, приведённые выше, поднимают вопрос о том, насколько существенное влияние может иметь работа Комиссий по установлению истины на уголовные разбирательства. Нельзя рассчитывать на то, что уголовные суды и, в особенности, международные органы уголовного правосудия, будут связаны рекомендациями таких Комиссий при формировании своей позиции по уголовным делам, поскольку последние должны рассматриваться как независимые институты, и могут находиться под политическим давлением. Несмотря на то, что вышеприведённые примеры иллюстрируют различные аспекты взаимоотношений между Комиссиями по установлению истины и национальными органами правосудия, те же выводы применимы и к МУС: влияние Комиссий по установлению истины на работу Суда возможно только в ограниченной степени. Эти ограничения будут более подробно проанализированы в следующем разделе.

Пределы сотрудничества

Наиболее важным аспектом сотрудничества между Комиссиями по установлению истины

и МУС является обмен информацией. С этой точки зрения надлежало бы регулирование может способствовать росту эффективности обоих институтов. В этой связи необходимо рассматривать отдельно два аспекта: механизм передачи информации Комиссиями по установлению истины в Суд и порядок передачи информации из Суда Комиссиям.

Статус показаний, полученных Комиссиями, в контексте процедуры МУС

На протяжении своей работы Комиссии по установлению истины заслушивают тысячи показаний, включая показания подозреваемых, потерпевших и свидетелей³². Вся эта информация могла бы внести значительный вклад в повышение эффективности работы МУС.

Несмотря на примеры, когда суды наделялись полномочиями по пересмотру решений, принимавшихся Комиссиями по установлению истины в части пропорциональности назначенных ими санкций совершённым преступлениям³³, эти полномочия на практике никогда не использовались. Кроме того, такого рода полномочия по пересмотру решений выходили бы за рамки мандата МУС. Тем не менее, необходимо принять во внимание то, что передача дел, первоначально принятых к рассмотрению Комиссией по установлению истины, Суду могла бы способствовать более эффективному проведению прокурорских исследований. Определённо нет необходимости в том, чтобы Канцелярия Прокурора МУС изучала все показания, полученные Комиссиями³⁴, но остается открытым вопрос о том, следует ли обязать Комиссии по установлению истины передавать Суду данные, которые свидетельствуют о виновности подозреваемых

²⁹ См.: *Hirst M.* Too Much Friendship, Too Little Truth. Monitoring Report on the Commission of Truth and Friendship in Indonesia and Timor-Leste. New York: International Center for Transitional Justice, 2008.

³⁰ Рабочая группа, сформированная Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека и Управлением ООН по правовым вопросам.

³¹ *Schabas W.A.* A Synergistic Relationship: the Sierra Leone Truth and Reconciliation Commission and the Special Court for Sierra Leone // *Criminal Law Forum*. 2004. Vol. 1–2. P.26–27.

³² Комиссия по Сьерра-Леоне заслушала 7000 показаний, Комиссия по Восточному Тимору рассмотрела более 1400 дел, а Комиссия по установлению истины и примирению в ЮАР, которая могла бы быть названа самой эффективной, на сегодняшний день заслушала почти 30 000 показаний.

³³ *Stahn C.* Accomodating Individual Criminal Responsibility and National Reconciliation: the UN Truth Commission for East Timor // *The American Journal of International Law*. 2001. Vol. 95. P.959.

³⁴ Как это было решено Временной администрацией ООН в Восточном Тиморе, где все показания, полученные Комиссией по установлению истины, должны были передаваться в Подразделение по серьезным преступлениям. Служба прокурора была уполномочена принимать решение о том, будет ли реализована её исключительная компетенция в отношении серьезных преступлений. В то же время, Комиссия должна была передавать Подразделению все доказательства, указывавшие на необходимость инициирования

в совершении преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда. Например, Комиссии по установлению истины, функционировавшей в Перу, пришлось передать Генеральному прокурору всю информацию, которая привела членов Комиссии к выводу о причастности лица к совершению серьёзных преступлений³⁵. Кроме того, можно привести примеры Аргентины и Боливии, где уголовное преследование было инициировано благодаря расследованиям, проводившимся соответствующими Комиссиями³⁶.

Следующим заслуживающим внимания вопросом является вопрос о степени, в которой обмен информацией между МУС и Комиссиями по установлению истины может негативно сказаться на готовности потенциальных участников слушаний, проводимых Комиссиями, делиться информацией, как это было в Сьерра-Леоне. Согласно докладом местной неправительственной организации «PRIDE», тот факт, что условия обмена информацией между Комиссией по установлению истины и Специальным судом в Сьерра-Леоне не были специальным образом урегулированы, в значительной степени препятствовало привлечению лиц, в прошлом участвовавших в военных действиях, к участию в мирном процессе. Многие из них опасались, что показания, которые они дадут Комиссии, будут использованы против них, или что после этих показаний они будут вызваны в Специальный суд в качестве свидетелей по делам против их командиров, от которых они продолжали зависеть³⁷. Фактически, как от-

метил прокурор Дэвид Крейн, Специальный суд не использовал какие-либо материалы, полученные Комиссией по установлению истины³⁸, однако из этой ситуации должен быть извлечён урок, который заключается в том, что население необходимо надлежащим образом информировать о правилах обмена информацией между Комиссией по установлению истины и судами, и границы такого обмена должны быть чётко определены.

Для того, чтобы обмен информацией не оказал негативное воздействие на желание людей сотрудничать с Комиссиями, показания, полученные последними, не должны использоваться в МУС как прямые доказательства вины. Более того, население должно быть проинформировано, по возможности, наиболее подробным образом об отличиях сфер компетенции двух институтов, а также о том факте, что предоставленные Комиссиям показания не будут использоваться в судах против тех, кто их дал. Это необходимо для того, чтобы избежать нежелательных сомнений и страхов, которые могут заставить потенциальных участников отказаться от сотрудничества с Комиссиями³⁹.

Показания, полученные Комиссиями по установлению истины, могут оказаться недопустимыми доказательствами в том смысле, что они не могут быть приняты в качестве прямых доказательств в рамках рассмотрения дела МУС, в особенности, в тех случаях, когда такие доказательства не соответствуют стандартам доказывания, которые применяются в Суде⁴⁰, например, требованию о пред-

уголовного преследования. Эти положения заслуживают внимания, поскольку они укрепили позиции органа уголовного правосудия, несмотря на то, что на практике они не применялись. См.: UNTAET Regulation No.2001/10 on the Establishment of a Commission for Reception, Truth and Reconciliation in East Timor. 13 July 2001. Art. 24, 27.

³⁵ *González Cueva E.* The Contribution of the Peruvian Truth and Reconciliation Commission to Prosecutions // *Criminal Law Forum*. 2004. Vol. 15. P.63. Частью этой картины является то, что, хотя Комиссия по установлению истины передала министру внутренних дел для дальнейшего расследования сорок три уголовных дела повышенной значимости, в 2007 году относительно двадцати четырех из них все еще не было предпринято никаких действий, и только одно дело закончилось вынесением окончательного оправдательного приговора. См.: *Laplante L. and Theidon K.* Truth with Consequences: Justice and Reparations in Post-Truth Commission Peru // *Human Rights Quarterly*. 2007. Vol. 29. P.243–244. В то же время, факты, установленные Комиссией, сыграли важную роль в последовавшем осуждении президента Фуджимори. См.: *Gamarra R.* A Leader Takes Flight: The Indictment of Alberto Fujimori // *Prosecuting Heads of State / Ed. by Lutz L. and Reiger C.* Cambridge University Press, 2009. P.99.

³⁶ *Hayner P.B.* Fifteen Truth Commissions – 1974 to 1994: A Comparative Study // *Human Rights Quarterly*. 1994. Vol. 16. P.604.

³⁷ *Ex-Combatant Views of the Truth and Reconciliation Commission and the Special Court in Sierra Leone.* PRIDE: Post-conflict Reintegration Initiative for Development and Empowerment, 2002. P.18. URL: www.ictj.org/downloads/PRIDE%20report.pdf (дата обращения: 28.02.2013).

³⁸ *Schabas W.* Op. cit. 2004. P.29.

³⁹ По проблеме, касающейся Сьерра-Леоне см.: *Evenson E.M.* Truth and Justice in Sierra Leone: Coordination between Commission and Court // *Columbia Law Review*. 2004. Vol. 104. P.762; *Hayner P.* The Sierra Leone Truth and Reconciliation Commission: Reviewing its First Year. New York: International Center for Transitional Justice, 2004. P.4; *Schabas W.* Op. cit. 2004. P.30.

⁴⁰ «Прежде чем приступить к даче показаний, каждый свидетель в соответствии с Правилами процедуры и доказывания принимает на себя обязательство давать правдивые показания» (пункт 1 статьи 69 Римского статута).

варительном принятии присяги. Однако они могут оказаться полезными для выяснения обстоятельств конкретного дела или картины конфликта в целом, а также способствовать процессу доказывания умысла на совершение международного преступления в качестве косвенных улик.

Кроме того, в большинстве случаев права лица, дающего показания Комиссии, не могут быть гарантированы в той же степени, в какой они могут быть защищены в ходе процесса в МУС⁴¹. Рассматривая права обвиняемых, перечисленные в Римском статуте, с точки зрения процедуры Комиссий по установлению истины, необходимо отметить, что лица, участвующие в слушаниях, проводимых Комиссиями, имеют право на использование своего родного языка, право не подвергаться принуждению или угрозам, а также право на защиту от бесчеловечного или унижающего достоинства обращения. Они не могут быть произвольно лишены свободы, а также, в тех случаях, когда речь идёт о хорошо организованных Комиссиях, располагающих достаточным бюджетом, могут получить бесплатную правовую помощь. С другой стороны, поскольку основной целью получения показаний Комиссиями по установлению истины не является оказание помощи Суду, лицо, дающее показания, не предупреждается о том, что сказанное им или ею может быть использовано против него или неё в качестве доказательства вины. Равным образом, также не может быть гарантировано их право на молчание. С точки зрения слушаний в Комиссиях, это не является проблемой, однако данные обстоятельства подчёркивают тот факт, что показания, данные в рамках процедуры Комиссии по установлению истины, не могут быть приняты в качестве доказательств для целей МУС. Тем не менее, они могут служить полезным источником информации для Канцелярии Прокурора Суда в

рамках проведения расследований с целью добыть новые доказательства.

Канцелярия Прокурора может заключать отдельные соглашения с Комиссиями по установлению истины относительно обмена информацией. В этой связи примером может служить случай Перуанской Комиссии по установлению истины, с которой служба генерального прокурора Перу заключила такое соглашение, определив те области, в которых должно было проходить их сотрудничество, как, например, случаи насильственного исчезновения людей или проведения эксгумации⁴². Даже в этом случае стандарты соблюдения прав человека, о которых шла речь выше, требуют того, чтобы такие сведения использовались только как косвенные доказательства или как источник информации в ходе предварительного изучения обстоятельств дела либо в рамках проведения предварительного расследования, предъявлению обвинений, когда Прокурор может также полагаться на иные обнаруженные обвинением свидетельства и документы.

В свете рассуждений о факторах, которые могут оказать негативное влияние на желание населения сотрудничать с Комиссиями, нелишним будет сослаться на опыт Сьерра-Леоне, где пределы сотрудничества между Комиссиями и судебными органами были чётко определены. В отношении запрошенной у Комиссии информации были сформулированы три условия, которые надлежало выполнить: она должна была быть конкретной, необходимой для доказывания невиновности подозреваемого и не могла быть получена из какого-либо иного источника⁴³. Аналогичные требования могут быть применены к МУС: хотя не всегда возможно точно определить документ, который необходимо запросить, требуемая информация должна быть конкретизирована, по крайней мере, в том, что касается имени лица, показания которого за-

«1. За исключением случая, предусмотренного в подпункте 2, каждый свидетель, прежде чем приступить к даче показаний, приносит в соответствии с пунктом 1 статьи 69 следующую присягу: "Клянусь говорить правду, всю правду и ничего кроме правды".

2. Лицу моложе 18 лет или лицу, способность которого реально оценивать происходящее была снижена и которое, по мнению Палаты, не понимает содержания присяги, может быть разрешено давать показания без такой присяги, если Палата сочтет, что это лицо способно описать события, которые ему известны, и что это лицо понимает значение обязанности говорить правду» (правило 66 Правил процедуры и доказывания МУС).

⁴¹ Статья 55 Римского статута и правило 74 Правил процедуры и доказывания МУС.

⁴² *Gonzalez Cueva*. Op. cit. 2004 P.62.

⁴³ *Tejan-Cole A.* The Complementary and Conflicting Relationship between the Special Court for Sierra Leone and the Truth and Reconciliation Commission // *Yearbook of International Humanitarian Law*. 2005. Vol. 5. P.327.

прашиваются⁴⁴. По причине того, что лица, принимающие участие в слушаниях, проводимых Комиссиями по установлению истины, должны быть уверены в том, что их показания не будут использованы против них в уголовном процессе, мы полагаем, что Комиссии могут передавать МУС только оправдательные доказательства, либо такие обвинительные доказательства, которые изобличают иных лиц. Это важнейшее условие для эффективной работы Комиссий по установлению истины, поскольку желание высокопоставленных подозреваемых давать показания является необходимой для того, чтобы Комиссия могла воссоздать общую картину прошедших событий. В этой связи также нельзя игнорировать право потерпевших на истину. Как бы то ни было, если информация используется только в ходе предварительного расследования, предшествующего утверждению обвинительного заключения, а не в качестве прямого доказательства, применение нормы, предусматривающей такие ограничения, не является необходимым.

Проблема конфиденциальности

Проблема конфиденциальности не возникает в случае передачи информации, предназначенной для доступа широкой общественности, то есть той, которая включается в итоговые доклады Комиссий по установлению истины, содержится в выступлениях, сделанных во время открытых заседаний Комиссии по установлению истины, или открытых для публич-

ного доступа документах. Однако в случаях, когда Комиссии по установлению истины были даны показания на условиях конфиденциальности, эти условия должны соблюдаться Канцелярией Прокурора МУС⁴⁵. В то же время Комиссии по установлению истины не должны препятствовать передаче информации даже в том случае, если речь идёт о конфиденциальных сведениях, в особенности, если они располагают сведениями, которые являются необходимыми для предотвращения судебных ошибок при осуществлении правосудия Судом. Прокурор в соответствии с положениями Римского статута может заключить специальное соглашение с государством, которое вовлечено в дело, для того чтобы гарантировать конфиденциальность информации, предоставленной исключительно в целях получения новых доказательств⁴⁶. Аналогичным образом Прокурор также может заключать специальные соглашения с Комиссиями, или, при условии, что соответствующая Комиссия по установлению истины окончила свою работу, с комитетами по принятию последующих мер, либо национальными органами власти, назначенными представителями бывших Комиссий по установлению истины.

Как бы то ни было, такие соглашения могут заключаться только в порядке исключения, и их исполнение должно находиться под надзором Судебной палаты МУС. В противном случае соблюдение прав обвиняемых может быть поставлено под угрозу⁴⁷. Равенство сторон должно обеспечиваться в максималь-

⁴⁴ См.: *Wierda M., Hayner P., van Zyl P. Exploring the Relationship Between the Special Court and the Truth and Reconciliation Commission of Sierra Leone*. New York: International Center for Transitional Justice, 2002. P. 14.

⁴⁵ Если информацию предстоит получить от Комиссии по установлению истины, созданной государством-подписантом Римского статута, соответствующее государство обязано предоставить требуемый документ в рамках исполнения своих обязательств по сотрудничеству с МУС. С другой стороны, в данном правиле предусмотрены исключения, которые могут применяться в случае, когда сведения защищаются нормами национального права, либо когда конфиденциальность сведений должна соблюдаться в интересах национальной безопасности. Если соответствующие сведения были предоставлены Комиссии, функционирующей в государстве, не являющимся членом Римского статута, не существует иных способов, помимо добровольного согласия такого государства, обязать её предоставить запрошенный Судом, либо государством-участником документ. См. положения пункта 1 статьи 93, пункта 5 статьи 72 и статьи 73 Римского статута.

⁴⁶ «[Прокурор может ...] давать согласие на нераскрытие на любом этапе производства документов или информации, которые были получены Прокурором на условиях сохранения конфиденциальности, и только для цели получения новых доказательств, если только лицо, предоставившее такие документы и информацию, не даёт на это своего согласия...» (п. 3(е) ст. 54 Римского статута). «Запрашиваемое государство может, когда это необходимо, препровождать Прокурору документы или информацию на условиях конфиденциальности. В этом случае Прокурор может использовать такие документы и такую информацию только для целей получения новых доказательств...» (п. 8(b) ст. 93 Римского статута).

⁴⁷ Согласно позиции Апелляционной Палаты МУС, применение пункта 3(е) статьи 54 Римского статута не должно быть связано с нарушением обязательств Прокурора по отношению к подозреваемому или обвиняемому. См.: *International Criminal Court. Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*. Case No. ICC-01/04-01/06 OA 12. Judgment of 21 October 2008. § 42. В деле Томаса Лубанги Дийло Канцелярия Прокурора регулярно прибегала к заключению соглашений о конфиденциальности и не открыла доступ к соответствующим сведениям, поскольку организации, представившие их, такие как ООН, не дали на это своего согласия, что привело к принятию Судебной Палатой решения о приостановлении производства по делу.

но возможной степени, в особенности, в делах о международных преступлениях, поскольку последние носят комплексный характер и поднимают сложные вопросы права. Поэтому обвиняемым должна быть гарантирована реализация многочисленных прав, таких как, например, право на ознакомление с доказательствами обвинения в максимально короткие сроки⁴⁸.

Тем не менее, право потерпевших на истину также не может игнорироваться. Как сказано выше, если высокопоставленный подозреваемый, который играл важную роль в вооружённом конфликте, не является в Комиссию для дачи показаний, опасаясь возможного использования его или её показаний в МУС, общая картина прошедших событий не может быть восстановлена. С другой стороны, поскольку этот фактор не может рассматриваться как равноценный рискам, связанным с безопасностью, которые привели бы к необходимости заключения соглашения о конфиденциальности, такое решение не представляется разумным. Заключение таких соглашений в конечном итоге приводит к возникновению опасений, связанных с соблюдением прав обвиняемых. Таким образом, когда речь идёт о получении Комиссией по установлению истины конфиденциальных сведений, вместо заключения соглашения о конфиденциальности, более целесообразным методом представляется блокирование возможности передачи информации.

Передача информации Комиссиям

Если предположить, что институты правосудия переходного периода должны сотрудничать (по крайней мере, в определённой степени) во имя достижения общих целей по переходу к гражданскому миру и достижению

долгосрочной стабильности, возникает вопрос о том, каким образом МУС может способствовать более эффективной работе Комиссий по установлению истины, которые работают одновременно с Судом в государствах, затронутых конфликтом. Архивы, которыми располагает Суд, могли бы оказаться полезными Комиссиям, которые пытаются воссоздать достоверную картину прошедших событий, а также выявить причины возникновения конфликта. С этой точки зрения, материалы, собранные Прокурором, имеют высокую степень достоверности, поскольку они собираются с соблюдением множества гарантий, предусмотренных Правилами процедуры и доказывания МУС⁴⁹. Помощь Суда Комиссиям, такая, как предоставление протоколов данных Суду показаний и иных документов, которыми он располагает, может осуществляться на основании соответствующих норм Римского статута⁵⁰. Суд может также предоставить помощь государству-участнику, которое проводит соответствующее расследование. Такое расследование не обязательно должно быть судебным, оно может проводиться в рамках деятельности Комиссии по установлению истины.

Как бы то ни было, сферы компетенций двух институтов могут пересечься, если у Комиссии по установлению истины возникнет необходимость провести опрос лица, обвиняемого и заключённого под стражу Судом. Дело Сэма Хинга Нормана представляет собой интересный пример в этом отношении. Норман был заместителем министра обороны и главой сил гражданской обороны в Сьерра-Леоне, и ему вменялось в вину совершение множества серьёзных преступлений, таких, как, например, понуждение к каннибализму. Он был арестован в 2003 году и осуждён Специальным судом. Изначально представи-

⁴⁸ Cassese A. *International Criminal Law*. Oxford University Press, 2008. P.385.

⁴⁹ «При допросе любого лица на стадии расследования или разбирательства составляется протокол, включающий официальные заявления. Протокол подписывается лицом, которое его составляет и ведёт допрос, и допрашиваемым или его адвокатом, если таковой присутствует, и, в соответствующих случаях, присутствующим Прокурором или судьей. В протоколе указывается дата, время и место допроса, а также фамилии всех присутствующих при допросе лиц. В нём также делается отметка в случае, когда кто-либо отказывается подписать протокол, и указываются мотивы такого отказа» (правило 111(1) Правил процедуры и доказывания).

⁵⁰ «а) Суд может, по получении об этом просьбы, сотрудничать с государством-участником, ведущим расследование или судебное разбирательство в отношении деяния, образующего преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, или образующего серьёзное преступление согласно национальному законодательству запрашивающего государства, и оказывать ему помощь.

b) i) Помощь, оказываемая в соответствии с подпунктом (а), включает в себя, среди прочего:

а. передачу заявлений, документов или других видов доказательств, которые получены в ходе расследования или судебного разбирательства, проведённого Судом; и

б. допрос любого лица, задержанного по распоряжению Суда» (п. 10 (a—b) ст. 93 Римского статута).

тель Нормана в Специальном суде отклонил просьбу о даче Норманом показаний Комиссии по установлению истины и примирению. После того, как Комиссия завершила работу по проведению опросов в ходе открытых слушаний, Норман изменил своё мнение и заявил о том, что из-за продления сроков рассмотрения его дела Специальным судом он желает, чтобы приговор по его делу был вынесен народом Сьерра-Леоне, и поэтому он хотел бы дать показания в открытом заседании Комиссии. Это изменение в поведении Нормана, очевидно, было нацелено на манипулирование уголовным правосудием посредством общественного давления, поскольку многие видели в нём национального героя, сражавшегося против Революционного объединённого фронта. Поэтому секретарь Специального суда издал особые указания по таким делам. Согласно этим указаниям, судьи Специального суда были уполномочены решать, может ли подсудимый быть заслушан Комиссией по установлению истины, и какие вопросы могут быть заданы во время таких слушаний. Более того, опрос должен был проводиться под контролем юриста Специального суда, который уполномочен прервать ход опроса или даже приостановить слушания⁵¹.

Безусловно, существует риск того, что негативный результат слушаний дела Комиссией по установлению истины, рассматриваемый как предварительное решение, может привести к нарушению принципа презумпции невиновности. В любом случае такие слушания могут привести к появлению у общественности ожиданий, связанных с будущим решением МУС. С другой стороны, слушание, проведённое *in camera*, не может влиять на Суд в той же степени, что и открытые слушания. Более того, у комиссии по установлению истины может возникнуть обязанность не упоминать имени обвиняемого в своих публичных докладах, которые должны быть опубликованы до вынесения Судом

приговора по делу. Таким образом, право подсудимого на справедливое судебное разбирательство и право потерпевших на истину могут быть сбалансированы.

Заключительные замечания

Достижение долгосрочного мира в стране, выходящей из состояния вооружённого конфликта, возможно только при помощи функционирования сильной и комплексной системы правосудия переходного периода. Поэтому крайне важным является обеспечение кооперации между различными институтами этой системы. Исторические примеры, описанные в данной статье, показывают, что когда речь идёт о взаимодействии Комиссий по установлению истины с органами уголовного правосудия, такая кооперация связана с рядом проблем. Эти проблемы, в конечном счёте, создают препятствия к их более тесному сотрудничеству.

Взаимоотношения между международными уголовными судами и национальными Комиссиями по установлению истины и, в особенности, условия обмена информацией между ними, должны быть надлежащим образом урегулированы с учётом гарантий справедливого судебного разбирательства, а также прав и законных интересов потерпевших. Показания, полученные Комиссиями, не должны использоваться в уголовных судах как в качестве прямых, так и в качестве доказательств вины. В то же время они могут использоваться обвинением для воссоздания общей картины вооружённого конфликта, либо в качестве косвенных улик, а также на этапе предварительного изучения фактов и расследования, предшествующего утверждению обвинительного заключения.

В отношении разбирательств в МУС можно сделать вывод о том, что публичная информация, которая включается в итоговый доклад Комиссий по установлению истины

⁵¹ Schabas W. Op. cit. 2004. P.44—49. Примером этого может служить запрос Комиссии по установлению истины и примирению Сьерра-Леоне о проведении опроса Нормана. Запрос бы отклонен судьёй Томпсоном на том основании, что в запросе говорилось о том, что Норман являлся центральным фигурантом конфликта, что могло быть расценено как утверждение о его причастности до вынесения соответствующего решения Специальным судом, что нарушало бы принцип презумпции невиновности. Характерно то, что, часть обвинений, вменявшихся Норману, и которые на тот момент Суд уже признал доказанными, содержала аналогичные утверждения. Действительной целью и причиной отказа было желание избежать возможного влияния на процесс вынесения Специальным судом приговора, что также было разъяснено судьёй Робертсоном в его апелляционном решении. Он подчеркнул, что открытые слушания по делу могут создать впечатление судебного процесса, что, в свою очередь, вызовет у публики ожидания относительно будущего приговора Специального суда.

или отражается в иных публичных документах, а также содержится в заявлениях, сделанных в рамках открытых заседаний, может предоставляться Суду и использоваться им без ограничений. В случае же, когда речь идёт о конфиденциальной информации, может быть поднят вопрос о возможности заключения специальных соглашений о конфиденциальности между Канцелярией Прокурора МУС и Комиссиями. Такое решение, впрочем, не представляется разумным, поскольку такие соглашения могут заключаться только в порядке исключения и под надзором Судебной Палаты с целью обеспечения гарантий справедливого судебного разбирательства. Кроме этого, фактор создания препятствий для участия в процедуре Комиссий по установлению истины не может рассматриваться как равноценный рискам, связанным с безопасностью, которые приводят к необходимости заключения такого соглашения. Вместо этого в случае возникновения опасений относительно конфиденциальности сведений, более целесообразной альтернативой представляется блокирование возможности передачи информации.

Право потерпевших, а также обществ, затронутых конфликтом, на истину, должно быть гарантировано МУС, в том числе, с помощью Комиссий по установлению истины, которые могут предоставить соответствующие сведения и документы, а также посредством предоставления Комиссиям возможности проведения слушаний *in camera* с участием высокопоставленных лиц, обвиняемых и помещённых в предварительное заключение МУС.

Пределы возможного обмена информацией между органами уголовного правосудия и Комиссиями по установлению истины определены рамками их различных функций и сфер компетенции. Последние в принципе не пересекаются, и они должны быть чётко разграничены в случае одновременной работы обоих институтов по одному делу. В целях предотвращения возможного негативного влияния на желание потенциальных участников слушаний, проводимых Комиссиями по установлению истины, явиться для дачи показаний, население необходимо информировать о том факте, что два института имеют отличные цели, а их сферы компетенции разделены. Также нужно разъяснить, что показания, полученные соответствующей комиссией по установлению истины, не могут использоваться как прямые обвинительные доказательства в уголовных судах против лиц, их давших.

Следует уделять больше внимания регулированию вопросов сотрудничества и обмена информацией между международными уголовными судами и комиссиями по установлению истины в будущем. Это позволит согласовать две цели правосудия переходного периода — карательную и восстановительную. Как отметил Дэвид Крейн, истина и справедливость являются неотъемлемыми и в равной степени важными элементами стабильного мира⁵². Соответственно, международные уголовные суды и комиссии по установлению истины должны рассматриваться как два различных, но взаимодополняющих элемента в механизме правосудия переходного периода.

⁵² Crane D.M. White Man's Justice: Applying International Justice After Regional Third World Conflicts // *Cardozo Law Review*. 2005–2006. Vol. 27. P. 1684.